

О. Л. Калашникова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**РАССКАЗ-ТРАГЕДИЯ «ПЛЕННЫЕ»:
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ В. Г. КОРОЛЕНКО**

Розглянуто своєрідність «французького тексту» в оповіданні В. Короленка «Полонені», написаному у Франції на початку Першої світової війни та виокремленому письменником з невиданої книги «Думки та враження. Перед пожежею ...». Йдучи від таких звичних знаків міфу про Францію, як Париж, Єлісейські поля, королівські палаци, чудові музеї, мушкетери, автор пише свій «французький текст», в якому країна-еталон мод і вишуканого смаку, країна-свято, житло муз, батьківщина Дюма, Гюго, Бальзака, Флобера, Мопассана, країна блискучої культури, героїчної історії, міфологізована в російській свідомості, показана крізь призму війни, що зламає звичну красиву картинку і оголює трагічну складову європейського життя. Головними деталями портрета воєнної Тулузи стають не стереотипні для російських літературних вражень про південь Франції казкове Середземне море, сонце, пляжі, любов і пристрасті á la «Кармен», а «траурні сукні, ... заплакані жіночі обличчя, ... чорні жіночі фігури, сумно схилені біля вівтарів, ... поранені, кров, легкий стримуваний стогін». Прочитуючи те, що відбувається, як трагедію людства, автор буде розповідь за канонам давньогрецької трагедії фатуму, зберігаючи не тільки обов'язковий набір персонажів (герой, героїня, хор), але і найважливіші структурні частини трагедії: пролог, парод, коммбс і ексод. Вводячи в оповідання-трагедію другий хор (натовп німецьких полонених), відсутній в давньогрецькому каноні, автор персоніфікує дві рівнозначні правди: правду переможених і правду переможців, які втратили своїх близьких, і доводить, що шлях протистояння людей – військового чи-то громадянського – це завжди трагічний глухий кут. Розповідь-трагедія звучить як сумне пророцтво про цивільні конфлікти планети, що насуваються в ХХ і ХХІ ст., як застереження автора, який побачив у невеликому епізоді Першої світової війни, написаному «з натури», трагізм майбутніх громадянських протистоянь.

Ключові слова: трагедія фатуму, оповідання-трагедія, хор, «французький текст».

Рассмотрено своеобразие «французского текста» в рассказе В. Короленко «Пленные», написанном во Франции в начале Первой мировой войны и вычленном писателем из неизданной книги «Мысли и впечатления. Перед пожаром...». Уходя от таких привычных знаков мифа о Франции, как Париж, Елисейские поля, королевские дворцы, чудесные музеи, мушкетеры, автор пишет свой «французский текст», в котором страна-эталон мод и изысканного вкуса, страна-праздник, жилище муз, родина Дюма, Гюго, Бальзака, Флобера, Мопассана, страна блестящей культуры, героической истории, мифологизированная в российском сознании, показана сквозь призму войны, изламывающую привычную красивую картинку и обнажающую трагическую составляющую европейской жизни. Главными деталями портрета воєнної Тулузы становятся не стереотипные для русских литературных впечатлений о юге Франции сказочное Средиземное море, солнце, пляжи, любовь и страсти á la «Кармен», а «траурные платья, ... заплаканные женские лица, ... черные женские фигуры, печально склоненные у алтарей, ... раненые, кровь, легкий сдерживаемый стон». Прочитывая происходящее как трагедию человечества, автор строит рассказ по канону древнегреческой трагедии рока, сохраняя не только обязательный набор персонажей (герой, героиня, хор), но и важнейшие структурные части трагедии: пролог, парод, коммбс и эксод. Вводя в рассказ-трагедию второй хор (толпа немецких пленников), отсутствовавший в древнегреческом каноне, автор персонифицирует две равнозначные правды: правду побежденных и правду победителей, потерявших своих близких, показывая что путь противостояния людей – военного или гражданско-го – это всегда трагический тупик.

Рассказ-трагедия звучит как мрачное пророчество о надвигающихся гражданских конфликтах планеты в XX и XXI вв., как предостережение автора, увидевшего в небольшом эпизоде Первой мировой войны, написанном «с натуры», трагизм будущих гражданских противостояний.

Ключевые слова: трагедия рока, рассказ-трагедия, хор, «французский текст».

The article discusses the peculiarity of the «French Text» in the story «Captives», written by V.G. Korolenko at the beginning of the World War I in France and extracted by the writer from the unpublished book «Thoughts and impressions. Before the fire ...». Departing from such familiar traits of the myth of France as Paris, Champs-Élysées, royal palaces, wonderful museums, musketeers, the author writes his “French Text” in which the country-model of the fashion and sophisticated taste, the country of the holiday, the home of the Muses, the birthplace of Dumas, Hugo, Balzac, Flaubert, Maupassant, the country of the brilliant culture, of the heroic history, mythologized in the Russian consciousness is shown through the prism of the war, which breaks the usual beautiful picture and exposes the tragic component of European life. The main details of the military Toulouse portrait are not the fabulous Mediterranean Sea, sun, beaches, love and passions à la “Carmen” which are stereotypical for Russian literary impressions of the south of the France but “the mourning dresses, womens’ tear-stained faces black female figures, sadly bowed at the altars ... the wounded, blood, an easy bated moan”. Interpreting what is happening as a tragedy of humanity, the author builds a story on the canon of ancient Greek tragedy of fate, keeping not only the obligatory set of characters (the hero, heroine, chorus), but also the important structural parts of the tragedy: Prologue, párod, kómmós and éksod. Introducing into the story-tragedy the second chorus (the crowd of German prisoners of war) that has not existed at all in the Ancient Greek canon, the author personifies two equally important truths: the truth of the defeated and the truth of the winners who lost their loved ones, showing that the way of both military and civil confrontation is always a tragic impasse. The story-tragedy sounds like a grim prophecy about the oncoming civil conflicts of the planet in the XX and XXI centuries, as the author’s caution that had seen in a small episode of the World War I, written wrote “from the life” the tragedy of the future civil conflicts.

Keywords: tragedy of fate, story-tragedy, chorus, “French text”.

Биографическая карта жизни и творчества В.Г. Короленко необъятна: Житомир и Ровно, Санкт-Петербург и Москва, Вологда и Кронштадт, Якутская область, Нижний Новгород и Полтава. Заграничные страницы означены Англией и Америкой, куда Короленко путешествовал в 1894–1896 гг., описав свои впечатления в рассказе из жизни украинского эмигранта «Без языка». Есть на заграничной карте Короленко и французская страничка, малоизвестная и почти не осмысленная.

В 1914 году В.Г. Короленко приехал во Францию на лечение и поселился в местечке Лярденн (пригороде Тулузы), где летом 1914 г. его и застала Первая мировая война. «Отец, мать и я, – вспоминает С. В. Короленко, – 27 января 1914 года выехали за границу к сестре, жившей с мужем, К. И. Ляховичем, на юге Франции. Отец был болен, утомлен недавно закончившимся делом Бейлиса, на нем лежал большой труд по подготовке первого полного собрания его сочинений, выпускавшегося «Нивой». Он надеялся за границей отдохнуть и найти силы для работы. Мы поселились в Тулузе, два месяца провели в Болье, близ Ниццы. Отец много занимался, исправлял, как это он всегда делал для нового издания, первоначальный текст, порой коренным образом переделывал не удовлетворявшие его страницы, получая и отправляя обратно авторскую корректуру. Эта напряженная работа занимала целиком его время и внимание.» [4, с. 253]. Мирные занятия, которым Владимир Галактионович предавался в чудесном уголке юга Франции, готовя полное собрание своих сочинений, издававшееся А.Ф. Марксом в 1914 г., были неожиданно прерваны войной.

Именно война и определила образ Франции в произведении, созданном под непосредственным впечатлением от событий лета 1914 г. Чуть позже – в письме

П.С. Ивановой от 21 января 1915 г. Короленко напишет: «Пытаюсь кое-что сказать о происходящем». *«Мысли и впечатления. Перед пожаром...»*. Так назвал писатель произведение об увиденном во Франции. Главным впечатлением от тихой и благостной французской провинции «с Пиренеями на горизонте» стали дикий психоз и вспышка вражды, охватившие массы в условиях начавшейся войны, когда к иностранцам стали относиться как к потенциальным врагам, даже если их страна выступала на стороне Франции. В *«Мыслях и впечатлениях. Перед пожаром...»*, рукописный текст которых цитирует дочь писателя в *«Книге об отце»*, описан эпизод во дворе мэрии, куда пришли иностранцы, жившие в то время в этих курортных местах Франции, чтобы оформить свое законное пребывание в стране во время войны. Но против этих мирных людей разных национальностей: рабочих, студентов, женщин с детьми был выставлен «Десяток дюжих молодцов в белых штанах и мундирах муниципальной стражи», которые водворяли «порядок, довольно бестолково, но авторитетно и грубо». Именно здесь, как пишет сам Короленко, «задержанный болезнью вдали от родины, я прислушиваюсь к отголоскам европейской катастрофы, наблюдаю ее отражение на юге Франции и мучительно думаю о величайшей трагедии, мучительно, страдательно и преступно переживаемой европейским человечеством XX века...» [4, с. 256].

Вернувшись в Россию в 1915 г., Короленко выделил из задуманного произведения эпизод с пленными немцами и завершил его как отдельный рассказ – *«Пленные»*, напечатанный впервые во 2–3 номере журнала *«Русские записки»* за 1917 г.

Сегодня этот рассказ уже стал библиографической редкостью, ибо после того, как Короленко передал издателю полного собрания сочинений текст *«Пленных»* для 10 тома, и после публикации рассказа в 22-м томе полного посмертного издания сочинений писателя 1927 года, о которой вспоминает Т. П. Милютин в контексте раздумий о лагерной России 1940-х гг. [5, с. 187], рассказ появился лишь однажды: в 4 томе шеститомника В. Короленко, вышедшего в «Библиотеке «Огонька» в Москве в 1971 г.

До сей поры рассказ не привлек внимания исследователей, хотя без осмысления *«Пленных»* невозможно не только понять творчество В.Г. Короленко как целостную художественную систему, но и в полной мере исследовать «французский текст» в русской литературе XX столетия. Опираясь на концепции В. Топорова и Ю. Лотмана, мы трактуем «французский текст» как такую совокупность текстов о Франции в русской литературе, которая имеет стойкую топику, определенный набор оценочных суждений, стабильную семантику и некую внетекстовую ориентацию (глубинную сакральную структуру или идею), которая играет центрирующую роль в сверхтекстовом единстве. Стойкая топики и определенный набор оценочных суждений во «французском тексте» русской литературы формировались начиная с XVIII в. К моменту написания *«Пленных»* в русской культуре сложился прочный миф о Франции. Франция была для россиян страной-эталон мод и изысканного вкуса, страной-праздником, страной блестящей культуры, героической истории, родиной Дюма, Гюго, Бальзака, Флобера, Мопассана, жилищем муз, где обитали самые прекрасные женщины [1].

Знаковыми топосами этого чудесного мира были Париж, Елисейские поля, королевские дворцы, чудесные музеи и места, где одерживали свои блестящие победы мушкетеры. Юг Франции ассоциировался с чудесным, волшебным Средиземным морем и цыганскими страстями à la «Кармен» Мериме.

Короленко совершенно уходит от таких привычных знаков «французского текста». Главными деталями портрета Тулузы становятся «траурные платья, ... заплаканные женские лица, ... черные женские фигуры, печально склоненные у алтарей, ... раненые, кровь, проступавшая через повязки, ... легкий сдерживаемый стон» [3, с. 374]. Рассказ представляет собой описание сцены столкновения толпы

обездоленных войной французских вдов и осиротевших детей с толпой пленных немецких солдат. Но этот маленький эпизод «с натуры» (именно такой подзаголовок дал рассказу Короленко) позволил писателю показать весь трагизм войны и удивительным образом предсказать трагедию грядущих, уже не военных, а гражданских столкновений XX и XXI века.

Рассказ построен и решен в традициях древнегреческой трагедии рока, где есть героиня – французская вдова с двумя детьми; герой – немецкий военнопленный, у которого на родине осталось шестеро детей; и выносящий приговор хор – толпа зрителей-участников, тулузских женщин, ненавидящих немецких солдат.

Короленко почти хрестоматийно следует композиционной и идейной канве древнегреческой трагедии, основные черты которой обозначены В.Н. Ярхо [6, с. 349]. За прологом (монолог или сцена, где излагается исходная ситуация) следует парод – выход хора – толпы женщин, жаждущих расправы над пленными. Затем, как и в античной трагедии, диалогические сцены чередуются с хоровыми, а в финале наступает черед коммбса – совместной партии солиста (героя-пленного) и хора (толпы женщин), когда хор рефреном отвечает на высказанные жестами (и это также традиция древнегреческой трагедии) жалобы пленного. А обязательный для древнегреческой трагедии, начиная с Эсхила, эксод – финальная песня, сопровождающая уход хора с оркестры в торжественном или погребальном шествии, заменен авторским монологом, как бы озвучивающем партию хора.

Но в рассказе Короленко возникает еще одна действующая сила, которой нет в трагедии древних греков, – второй хор, толпа немецких пленных. Два хора противостоят друг другу, персонифицируя две равнозначные правды: правду побежденных и правду победителей, потерявших своих близких.

В описании противостояния двух хоров трагедии только вначале ощутимо электрическое напряжение: «Заряд накопился уже весь и готов был разрядиться... Точно оттуда, из-за невысокого здания вокзала, переползала тяжелая грозовая туча, готовая соединить все в неудержимой, все заливающей вспышке» [3, с. 377]. Напряжение возрастает, когда неожиданно навстречу толпе пленных бросается французская женщина с детьми, которую не могут остановить французские солдаты, призванные предотвратить неминуемое столкновение. Электрическое напряжение в описании сцены достигает кульминации в тот момент, когда, выбрав в толпе пленных одного рослого «боша», женщина бросает к нему своего сына с криком: «Бери, бери. Не надо мне... Убил отца... Возьми себе детей...». Шатнувшись, немец неожиданно поднял свою обнаженную голову к небу, потом повернулся назад... Казалось, он глядел туда, откуда привез его поезд... В то прошлое, что осталось позади, там, где еще недавно, быть может, он ходил за своим плугом. Потом он посмотрел кругом, как будто хотел говорить не одной женщине, но всем женщинам, всем вообще людям на этой враждебной площади, и поднял кверху руку... На ней были растопырены пять пальцев. «Cinq...» – невольно сосчитал кто-то в толпе... «Нет, шесть», – поправил другой... Все поняли: там, на далекой родине, отделенной от него теперь полосой вражды и пламени, у него осталось шестеро...

Стало так тихо, как будто не было на площади никого и ничего больше, кроме этих двух человек – мужчины и женщины, отца и матери, и их детей: тех, что здесь, и тех, что там, далеко... И было еще огромное несчастье, налетевшее на людей без их желания и ведома» [3, с. 379–380].

И сегодня эту сцену невозможно читать без содрогания. Она кричит о главном: о противоестественности не только войны, но всякой вражды между людьми, ибо вражда делает несчастными и побежденных, и победителей. Но сегодня рассказ Короленко звучит мрачным пророчеством о надвигающихся гражданских конфликтах планеты. Казалось бы, автор не описывает гражданское противостояние, но возможность такого противостояния угадывается в том напряжении, с

которым приглядываются друг к другу французские солдаты, поставленные охранять пленных, и толпа французских женщин, жаждущих расправы над пленными, убившими их отцов, мужей и детей. «Армия во Франции очень дисциплинирована. Солдаты знали, зачем их сюда привели... Это удерживало в них личное, сковывало их всех какой-то однородной невидимой цепью. Они сознавали и чувствовали эту связь. И толпа тоже чувствовала. Она любила своих солдатиков. И они любили ее тоже... Но и солдаты, и толпа боялись, как бы между ними «чего не вышло»... Чувства одни – действия разные. Надвигалось что-то третье, неведомое, чуждое, что, однако, может стать сильнее взаимной симпатии солдат и родной толпы. И это что-то уже надвигалось... Сначала дальним свистком, который крикнул издалека и заглушено. Как будто: берегитесь! Потом ближе...» [3, с. 376].

Все знаково в рассказе В. Короленко. И то, что Франция – мифологизированная в российском сознании страна-праздник, показана через призму войны, изламывающую привычную красивую картинку и обнажающую трагическую составляющую европейской жизни. Знакова и дата окончания работы над текстом рассказа, обозначенная датой письма к П.С. Ивановой от 13 февраля 1917 г., где Короленко написал: «Сейчас закончил». Закончил ровно за 10 дней до начала Февральской революции, завершившейся отречением русского царя от престола, революции, ставшей своеобразным политическим итогом Первой мировой войны и определившей перспективу грядущих гражданских столкновений начинавшегося знакового для России и всего мира 1917 года.

Итак, французские впечатления В. Короленко оказались не столько воспоминаниями о недавнем прошлом, сколько пророчеством о надвигавшемся будущем, сделавшим многих пленными в собственной стране или изгоями в странах чужих. Небольшой рассказ, обретая форму и звучание античной трагедии рока, предсказывает итог развития целой эпохи, вовлекшей в орбиту весь XX век и завершающейся на наших глазах осознанием того, что никакие разногласия – политические, экономические, религиозные – не должны разрешаться силой, ибо такой тупикий путь всегда трагичен. Именно это прокричал Короленко в своем пронзительном по степени эмоционального напряжения рассказе-трагедии, завершая его партией хора – авторского монолога, обращенного к нам: «Ах, если бы и над ними, над этими врагами, думалось мне, если бы над всеми людьми, охваченными взаимной враждой, пронеслось веяние этой трагической правды...» [3, с. 382].

Все сказанное и написанное В. Г. Короленко после событий октября 1917 г., которые он не принял, звучит в пандан маленькому рассказу-трагедии, рассказу-пророчеству «Пленные», написанному в преддверии грядущих гражданских смут. И уже хроникальной констатацией свершившихся предсказаний звучат слова Короленко из дневниковой записи от 26 октября 1917 года: «В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не оскверненным, не обруганным. Партия на партию, класс на класс, человек на человека выливают худшее, что может подсказать слепая, непримиримая вражда, что может выдумать и измыслить недружелюбие, зависть, месть. Нет в России ни одного большого, уважаемого имени, которого бы сейчас кто-нибудь не пытался осквернить, унижить, обесчестить, ужалить отравленной стрелой позора и самого тягостного подозрения в измене, предательстве, подлости, лживости, криводушии» [2, с. 22].

Может быть потому, что для сегодняшних Франции и России очень актуальным оказался взгляд на мир писателя В. Г. Короленко «Ассоциация развития и инноваций» (AFPI), с французской стороны, и РГГУ, со стороны российской, провели в конце 2011 г. встречу ученых двух стран «В.Г. Короленко – писатель и общественный деятель» в рамках года России во Франции и Франции в

России. Но, к сожалению, на этой встрече не вспомнили о французских впечатлениях В.Г. Короленко, отразившихся в небольшом рассказе-пророчестве, рассказе-предупреждении «Пленные», написанном так давно, но столь злободневном.

Библиографические ссылки

1. Жилище славных муз. Париж в литературных произведениях XIV–XV веков. – М. : Московский рабочий, 1989. – 572 с.

2. Короленко В. Г. Дневник. Письма. 1917–1921 / В. Короленко. – М. : Советский писатель, 2001. – 544 с.

3. Короленко В. Г. Пленные / В. Короленко // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6-ти тт. – Т. 4. – М. : Правда, 1971. – 398 с.

4. Короленко С. В. Книга об отце / С. Короленко / [под ред. А. В. Западова; примечания М. Л. Кривинской]. – Ижевск : Удмуртия, 1968. – 382 с.

5. Милютин Т. П. Люди моей жизни / Т. Милютин / [предисл. С. Г. Исакова]. – Тарту : Крипта, 1997. – 415 с.

6. Ярхо В. Н. Происхождение трагедии и организация театральных представлений / В. Ярхо // История всемирной литературы : в 9-ти т. – Т. 1. – М. : Наука, 1983. – С. 345–350.